

В РОДНОМ КРАЮ

Творческий отчет народного артиста СССР
М. Д. Михайлова своим односельчанам

Дядя Тима, как попросту зовут в Кольцовке Тимофея Семеновича Попкова, не часто бывал на концертах, за всю жизнь раз пять-шесть... Но сегодня он не мог не прийти. Тимофей Семенович уселся в первом ряду, с краю, в натруженных крестьянских руках он неловко держал большой букет живых цветов. Непривычное для него это дело: ходить с цветами в клуб... За свои шестьдесят три года Тимофей Семенович вспахал много земли, собрал много хлеба, но преподнести артистам цветы не доводилось...

Занавес еще был закрыт и, кивнув в сторону сцены головой, сосед спросил дядю Тиму:

— И ты ему?

— А как же... Друг он мне коренной, сверстник...

И, словно готовясь к высокому торжеству, старик приподнялся, расправил плечи, провел шершавой ладонью по своей седой бороде.

Артист вышел на авансцену под шумные, долгие аплодисменты. Припрятав цветы, стоя вместе со всеми, аплодировал и дядя Тима. Артист был певцом, солистом Большого театра Союза ССР, но выступление свое начал не с пения. Он положил руку на сердце:

— Моим дорогим и любимым землякам и землячкам, товарищам и друзьям на родной моей земле приношу свой низкий поклон...

Это был народный артист Советского Союза Максим Дормидонтович Михайлов.

Он приехал к землякам с творческим отчетом. Накануне Максим Дормидонтович дал два концерта в Чебоксарах и теперь выступал в своем деревенском клубе.

Перед концертом у него было несколько свободных часов, и Максим Дормидонтович отказался от отдыха после дороги, прежде всего навестил своих родственников. Зашел и к племяннице Евдокии Васильевне Кузиной. Пошли взаимные расспросы о жизни, о здоровье, о семье.

— Знаешь, Дуня, вчера мне подарили в Чебоксарах на концерте две картины. На одной написана вот эта наша улица и наш дом. А на другой — пруд, где я гусей пас. И так это меня тронуло — до слез... Да, все мне тут дорого...

Помолчали.

— Да, — вздохнула Евдокия Васильевна, — если б еще и кафтан срисовать тот, со сборками, в котором гусей-то пас...

И снова стало тихо, слышно, как стучают, отсчитывая время, часы на стене. И этим двум старым людям вспомнились далекие годы безотрадного детства. Родители у Максима Дормидонтовича были богаты только детьми: пять сыновей, невестки, внуки... «Что сегодня есть будем?» — этот вопрос был самым жгучим. Мать говорила: «Дуняшка, сделай муру». Мура — вода в большой красной миске, в которую накрошен черный хлеб. Садлись за стол, в глиняную миску тянулись четырнадцать ложек...

Когда Максим подрос, отец сказал ему:

— Ну, ты уже большой, пора в люди выходить... Пойми... Вас у меня пятеро. А земляки-то... что земляки... ее как и нет вовсе. А я стар. Братья-то твои о разделе как думают, знаешь?...

Максиму, как самому младшему в семье, полагалось уступить при разделе хозяйства свою долю старшим. И унылым пасмурным днем он покинул деревню. Холщовая котомка с краюхой хлеба стучала по голым ногам. Начались скитания по России...

Любил Максим песни петь. Услышал его как-то учитель Константин Николаевич Поливанов, определил в Бетках на Каме в школу за казенный счет, и сам стал учить пению. Голос у подростка становился лучше, прочнее. Однажды Поливанов изумился:

— Ой, Максим, да у тебя прорезался бас!

Потом — Казань. Ночлежка с босяка-

ми. Хотелось учиться петь — так велел Поливанов. Кто-то из новых друзей через кого-то другого похаживал перед профессором музыкального училища.

— Ну ладно, приведите.

Максим пришел. Старый профессор взглянул поверх очков:

— Про него говорили? Подросток... Какой может быть бас?

А Максим от радости затаил гамму на самой низкой октаве.

— Ой.. Встань подальше! Оглушишь!

И профессор повернулся спиной к певцу. «Серую деревенщину» к учению не допустили...

Шли годы. С мечтой, посеянной Поливановым — «Быть тебе певцом», — Михайлов не расставался. Ходил по театрам, брал уроки у музыкантов, разучил басовые партии из многих русских опер. И, наконец, в тридцатых годах его пригласили на пробу в Большой театр.

В театре есть неписаное правило: когда прослушивают нового исполнителя, как бы хорошо он ни пел, ценители искусств остаются молчаливыми. Но на этот раз оркестранты нарушили закон: стали аплодировать. Дирижер, суровый и строгий человек, сказал:

— Да, это Кончак...

Максим Дормидонтович пел на пробную арию из «Князя Игоря». В этой роли его и оставили. Потом Михайлов создал образ Варлаама в «Борисе Годунове», варяжского гостя в «Садко», мельника в «Русалке» и, пожалуй, вершину своего творчества, — Ивана Сусанина... Михайлов стал народным артистом страны...

И вот он сейчас стоит на сцене перед односельчанами, рапортует о своем творчестве. Так здесь заведено: в каждый приезд Михайлов дает отчетные концерты.

Могучий, широкий, своеобразный михайловский бас наполняет вместительный зал, гремит за дверями и окнами.

Мы гордые люди
Державы народной...

Великой Отечественной войны патристический подвиг Ивана Сусанина...

И кажется, не будет конца аплодисментам: так оценивают земляки творчество своего, народного артиста и артиста из народа.

Максим Дормидонтович приехал не один. В концерте выступает Марина Кушке — тонкий, вдумчивый чтец; партию рояля ведет Александр Рязанов — автор ряда песен и инструментальных произведений. Красивым, чистым лирическим сопрано обладает артистка Мария Агапова, ее тепло принимают слушатели.

Когда артисты приехали в Чебоксары, Максим Дормидонтович узнал, что на завтра исполняется 37 лет со дня гибели легендарного героя гражданской войны В. И. Чапаева. Народный артист предложил Агаповой:

— Мария Ефимовна, надо отметить эту дату на родине Василия Ивановича. Давайте подготовим дуэт.

И стал вполголоса напевать слова:

Ты не вейся, черный ворон,

Не махи бойцу крылом гор,

Не накличешь сердцу горя,

Все равно свое возьмем...

В тот же вечер мы услышали этот дуэт. Вместе со всем концертом теперь он записан на пленку Чувашским радио.

Долго длился праздничный вечер в Кольцовке. Много было цветов. Преподнес свой букет и Тимофей Семенович, и это для Максима Дормидонтовича было той неожиданностью, которая запомнится навсегда. Старый колхозник неторопливо подошел к народному артисту и передал букет, на глазах у обоих навернулись слезы...

— Тима, спасибо...

На следующий день московские гости осматривали артельное хозяйство. Председатель колхоза Герой Социалистического Труда Сергей Ксенофонтович Коротков показал им поля и фермы; было много дружеских встреч с колхозниками.

— Вот это кукуруза! — удивлялся

Максим Дормидонтович. — Слышал о ней много, видел ее

не раз, но такой не встречал.

Сколько дает нынче с гектара?

— За тысячу центнеров.

— Это ведь больше, чем на

Украине...

— Что ж, — смеется Коротков,

— вы нам рапортовали

вчера концертом, и нам, кол-

хозникам, тоже, выходит, пе-

ред вами не стыдно...

И серьезно добавляет:

— Общее у нас дело: все

служим Родине.

Проезжая полями, остано-

вились возле речки Потаушки.

— Помните ее, Максим Дор-

мидонтович?

— Помнил, помню и никогда

не забуду.

— Я вот о чем думаю, —

сказал Сергей Ксенофонто-

вич. — Как близко стало на-

ше искусство к народу. Взять

хотя бы ваш концерт. Пред-

ставляете, рядовой колхозник

сидит в своем деревенском клубе

и слушает арию Сусанина.

И поет ее тот же артист, ко-

торого слушают в Большом те-

атре. Нет, нет, Максим Дор-

мидонтович, не перебивайте.

Вы видели, как вчера сидели

ребятишки? На сцену вылезли,

глаза горят. Вот, как вы не

забудете Потаушку, так и эти

ребята не забудут этот кон-

церт...

..Из Кольцовки уезжали под вечер.

Максим Дормидонтович сидел в машине

молча, думая о чем-то своем. Потом ти-

хо сказал:

— Как это все-таки хорошо... Вот по-

бывал дома, и стало будто светлее. Петь

хочется. Большая это сила — сила род-

ной земли.

Н. СТУРИКОВ,

спец. корр. «Советской Чувашии».

д. Кольцовка

Вурнарского района.

На снимках (вверху): в зале Кольцов-

ского клуба идет концерт. Внизу: С. К.

Коротков и М. Д. Михайлов на озимом

поле.

Снимки П. Ефремова.

И с нарастающим подъемом гремит припев:

Лениным основана,

Партией упрочена,

Правдой народной сильна и крепка,

Славься великая,

Славься могучая,

Славься, Советская наша страна!

Исполняется песня за песней — про Волгу-матушку и Емельяна Пугачева,

«Вдоль по Питерской» и «Элегия»

Ж. Массне, «Улица» А. Дюбюка и народ-

ная «Эй, ухнем», «Титулярный советник»

А. Даргомыжского и «Шотландская за-

стольная» Л. Бетховена... Тысяча лю-

дей в зале и фойе, затаив дыхание,

слушает арию Ивана Сусанина. Ее сме-

няет баллада о колхознике Матвее Мат-

веевиче Кузьмине, повторившем в годы